

ИНТЕРВЬЮ

Марина Костенецкая — Сергей Мазур

Гадкий утенок, дитя человеческое

Сергей Мазур:

Марина Григорьевна Костенецкая, русский писатель Латвии. Тема сегодняшней беседы касается педагогики. У меня к вам два вопроса. Первый вопрос, когда вы обратились в своей публицистике к теме, связанной со школой, с образованием, с педагогикой. И второй вопрос касается ваших встреч с педагогами.

Марина Костенецкая:

Вообще-то в Союз писателей я вступала как прозаик, а не как публицист, то есть по книгам прозы. Писала рассказы, повести, выходили книги — все как у всех, нормальный творческий процесс с вымышленными героями. И вдруг в один прекрасный день сама судьба заставляет меня резко сменить жанр! Я просто вынуждена начать писать публицистику, где за каждым персонажем стоит вполне реальный человек, а жизнь диктует непредсказуемые сюжеты. Произошло это осенью, сейчас уже не припомню в каком точно году, но прекрасно помню, что во время Дней поэзии Райниса. В советское время так называемые Дни поэзии широко отмечались по всей Латвии: специально сформированные писательские бригады разъезжались по городам и весям на очные встречи с читателями. В Лат-

галию, как правило, посылали не только латышских, но и русских писателей, поскольку регион считался русскоязычным, и я в составе писательской бригады попала в тот год сначала в Даугавпилс, а потом нас всех повезли по району. Одно из районных выступлений было запланировано в школе-интернате поселка Калупе, то есть перед школьниками. Ну, вроде бы дело привычное, в школах выступать приходилось часто, так что у каждого из нас на этот случай имелся свой репертуар, и вдруг... Вдруг директор этой самой калупской школы-интерната перед выступлением приглашает нас в свой кабинет и там, за плотно закрытыми дверями, говорит: «Если у вас подготовлены стихи о маме или о семье, то в нашей аудитории это не пройдет. У нас школа для сирот и детей, оставшихся без попечителей. Одно лишь упоминание слова «мама» может ваших слушателей сильно травмировать, так что будьте, пожалуйста, осторожны!». Так я впервые (а это было начало 80-х годов прошлого века) узнала, что у нас в Советском Союзе существуют детские дома. То есть 30 с лишним лет уже минуло с момента окончания войны, и, как всем нам казалось, сирот в стране быть больше просто не должно! Откуда им взяться в мирное время? А тут вдруг выясняется, что за безобидной вывеской на фасаде типового зда-

ния «Школа-интернат» на самом деле скрывается детский дом, где на встрече с воспитанниками нельзя произносить слово «мама».

Когда мы вошли в зал, меня поразили вид девочек-подростков, которые были очень коротко острижены. Как потом выяснилось, это была радикальная форма борьбы со вшами — иначе обработать сильно запущенные головы уличных детей просто не получалось. У многих воспитанников ботинки были надеты на босу ногу, и опять-таки позже я узнала, что на мягкий инвентарь интернату выделяются весьма ограниченные средства, а чулки-носки, которые в этот самый мягкий инвентарь входят, рвутся не по нормативам и штопать их здесь некому... Для нас, писателей, все увиденное стало огромным потрясением. Но потрясение пережили все, а вернулась через неделю в этот детский дом одна Марина Костенецкая. То есть, приехав после Дней поэзии в Ригу, я сразу же пошла в латышскую газету «Падомью Яунатне» — у меня там были хорошие контакты с редактором — и попросила командировку. Приехала опять в Калупе и, спасибо директору детского дома Александру Яковлевичу Городинскому, он сразу разрешил мне поселиться в интернате на неделю, чтобы я смогла собрать материал для статьи. Обычно ведь журналистов в таких местах не жалуют, в лучшем случае демонстрируют «потемкинские деревни», а Городинский не испугался. Впрочем, насчет статьи изначально был настроен скептически. Сказал, что либо я напишу так, что вся правда жизни останется за кадром, либо статью просто не напечатают. Идеологическая цензура в СССР была начеку и проблемные материалы, «очерняющие» лучший в мире политический строй, рубила на корню. Но, так или иначе, целую неделю я жила в интернате, приходила утром в спальни на подъем, вечером на отбой, а весь день проживала вместе с детьми на уроках, в столовой, в кружках, на дворе... Для меня все это стало открытием новой планеты. Ведь все мы, загипнотизированные пропагандой, жили в полной уверенности, что наши дети самые счастливые в мире! Что все лучшее — детям! Что в Советском Союзе просто не может быть обездоленных, несчастных, одиноких детей! А тут... Вечером захожу в спальню старших мальчиков (шестой — седьмой — восьмой класс), подростки сидят уже раздетые по кроватям и поют сами себе песню, вроде как вместо колыбельной, но скорее все же детдомовский гимн:

Над нашим домом целый год мели метели,
И дом по крышу занесло.
А мне сказали, что за тридевять земель
В домах и сухо, и тепло.
И я, узнав о том,
Покинул отчий дом.

Не помню уже сейчас всех слов, но припев в песне был такой:

И темной ночью, и самым ясным днем
Как хорошо иметь свой дом.

Когда я впервые услышала этот «хор мальчиков», нервы сдали — еле успела укрыться в кабинете Городинского, чтобы пацаны не увидели реакции писателя на их пение. Ну, а после отбоя в этом самом директорском кабинете каждый вечер проводился своеобразный педсовет: все учителя и воспитатели докладывали Александру Яковлевичу о происшедших за день ЧП. Сообщалось, например, что Таня Морозова сегодня плакала три раза (получила письмо от матери из тюрьмы), а Володя Иванов подрался с парнем, который назвал его мать шлюхой. Кто-то плакал два раза, кто-то один раз, кто-то у кого-то на полднике отобрал печенье, кто-то свою котлету из обеденной порции отнес в кочегарку, где прячет приبلудную собаку... И всю эту сводку Городинский не просто выслушивал, тут же на месте по каждому отдельному случаю сообщаясь принимались решения, давались советы. То есть совершенно ненормированный рабочий день у людей, потрясающий педагогический коллектив!

Увы, уникальный специалист, педагог, как говорится, от Бога Александр Яковлевич Городинский после восстановления независимости оказался Латвии не нужен. В лихие 90-ые он вынужден был эмигрировать в США и сейчас является там весьма известным и уважаемым специалистом по работе с трудными русскоязычными подростками, которые эмигрировали с семьями в Америку со всех концов бывшего Советского Союза. Ну, а начинал свой путь в большую педагогическую науку этот талантливый человек у нас, в Калупе.

Так вот, возвращаясь к своей первой командировке в детский дом. Я тогда приехала в Ригу и написала статью «Репортаж из страны детства». Напечатать статью решились только в латышской газете «Падомью Яунатне». На русском тогда параллельно выходила такая же

газета ЦК комсомола Латвии «Советская молодежь», но поскольку по-русски читать умели и в Москве, то наиболее острые материалы некоторых русских авторов печатались только в переводе на латышском языке. Впрочем, и в латышской газете в тот раз все складывалось очень непросто. Для подстраховки редактор Моника Зиле отнесла мой «Репортаж» в отдел печати ЦК партии Латвии, а оттуда статья вернулась сплошь исчерканная красным карандашом — цензура, как мне тогда в первый момент показалось, камня на камне от моего текста не оставила! Компьютеров в те времена в Советском Союзе еще не существовало, так что рукопись была отпечатана на машинке всего в двух экземплярах: один побывал в ЦК партии и вернулся весь в красных пометках, второй лежал на столе в редакции.

Когда я увидела *цекашный* экземпляр, у меня в глазах от красного цвета так помутнело, что я схватила со стола оба экземпляра текста и... попыталась их тут же порвать! Мол, я все это написала, я же сейчас и уничтожу, но ни в коем случае не позволю выстраданную статью печатать в таком изуродованном виде! Помню, как в буквальном смысле слова меня держали за руки — одну руку главный редактор Моника Зиле, другую — ее заместитель Дзинтра Криеване. Я билась в истерике, а они мне спокойно доказывали, что если это был бы художественный рассказ, то, как автор, я имела бы полное право на такой поступок. Но, поскольку это документальная публицистика, за которой стоят реальные судьбы обездоленных детей, я не имею права текст уничтожить. Короче говоря, статью со всеми цензорскими правками напечатали.

Я была в полном отчаянии, мне казалось, что из напечатанного никто ничего не поймет! Но советские люди умели читать и между строк, так что совершенно неожиданно для меня статья все же имела эффект разорвавшейся бомбы — редакцию засыпали письмами и телефонными звонками. Напечатана статья была где-то в октябре-ноябре, ну, а в декабре в Калупе, как и в любой другой школе, проходила новогодняя елка, и я получила на нее письменное приглашение. Ладно. В назначенный день приезжаю поездом в Даугавпилс, там меня встречает Городинский, здороваемся-обнимаемся, садимся в машину и, первое, что мне говорит за рулем Александр Яковлевич: «Если бы вы знали, что вы натворили сво-

ей статьей! Мы не успеваем ездить на почту — со всех концов Латвии нам шлют посылки, да еще и сами люди приезжают, подарки привозят целыми служебными автобусами!».

И вот приезжаем мы в школу, подходим к кабинету Городинского, он достает из кармана ключ и поясняет: «До сих пор я никогда не запираю кабинет — всегда был уверен в своих детях, что никто ничего не украдет. Но сейчас соблазн слишком велик». Я еще ничего не понимаю, но вижу, что как из-под земли под дверью вмиг вырастает толпа из самых маленьких — первый, второй класс... Директор им строго говорит: «Только как договаривались!» и отпирает дверь. Ну, а тут уж от увиденного дара речи лишаюсь я: в одном углу кабинета высится гора из мягких игрушек — медведи, зайцы, кошки, собаки; в другом — гора из кукол, в третьем — из игрушечных машин, в четвертом — из спортивного инвентаря и настольных игр. Все три подоконника уставлены коробками и мешками со сладостями... Пока я стою соляным столбом в дверях, малыши гуськом, заложив руки за спину, входят в кабинет, благочинно, судя по всему, уже привычным маршрутом обходят залежи сокровищ, а на выходе доверительным шепотом мне сообщают: «Завтра Дед Мороз все это нам принесет на елку!»

О том, как эта елка проходила, можно рассказывать часами, не буду занимать ваше внимание. Скажу только, что каждая девочка получила от Деда Мороза по кукле, а каждый мальчик по машине, старшие ребята — спортивный инвентарь и деньги для поездки во время зимних каникул на Карпаты. Кстати, о куклах. Когда я в первый раз приехала в Калупе, меня потряс тот факт, что в больших спальнях для девочек на все кровати я видела одну, в лучшем случае две куклы. И мне объяснили, что кукол мало, а девочек много, так что спят с куклой по очереди — сегодня Таня, завтра Света... И вот в ночь после новогодней елки все девочки уснули в своих кроватях с собственной куклой, еще и про запас осталось! Ну, а кроме подарков люди привозили деньги. Без посредников, без пиара через какие-то там благотворительные организации (таковых тогда в СССР просто не существовало!), приезжал, например, представитель завкома большого предприятия, привозил в полиэтиленовом мешке собранные рабочими деньги и из рук в руки отдавал Городинскому — мол, это вашим детям на то, что бюджетными средства-

ми не предусмотрено. Так вот бюджетными средствами, конечно, не было предусмотрено везти детдомовцев во время зимних каникул на горнолыжный курорт на Карпаты. А директор сиротского интерната Александр Городинский решил, что его «трудные подростки» ничем не хуже благополучных детей из обеспеченных семей — они активно занимаются спортом, занимают призовые места в республике по легкой атлетике, а вот на лыжах сиротам свои силы испробовать негде — в Калупе самая высокая гора школьный погреб. Короче говоря, на собранные рабочими деньги Городинский решил самых отъявленных хулиганов свозить на Карпаты, чтобы те сбросили адреналин на лыжных виражах, а не ночных набегах на чужие погреба за банкой варенья. И тут я вдруг получаю из Калупе письмо.

Пишут дети, как потом выяснилось, пишут совершенно самостоятельно, не согласовав предварительно свою идею ни с воспитателями, ни с директором. Так, мол, и так, мы знаем, что деньги, на которые мы поедем на Карпаты, наша школа получила благодаря вашей статье в газете, поэтому хотим, чтобы вы тоже получили удовольствие и поехали вместе с нами. Лыжи и ботинки для нас директор берет напрокат на лыжной базе в Латвии, так что, пожалуйста, сообщите свой размер ноги, чтобы мы могли взять ботинки и для вас.

Но я и они — это две большие разницы! Я неспортивный человек, в детстве у меня всегда была тройка по физкультуре, так что я и лыжи, мягко говоря, понятия просто несовместимые! Но как бы это повежливее сказать детям? И вот я им пишу письмо. Большое, мол, спасибо за приглашение, но поймите, ребята, я старая больная женщина (тридцать лет назад *старой* еще, конечно, не была, но для вящей убедительности употребила именно это словечко), у меня куча всяких болезней, мне на лыжи и вставать-то опасно, ну, и т.д., и т.п. Через несколько дней получаю из Калупе ответ, написанный детским почерком: «В войну с поля боя раненых выносили под пулями. Неужели наш интернат не снесет Вас с Карпат?!» После этого мне уже ничего другого не оставалось, как сообщить в Калупе размер своей ноги, а самой в Риге сходить в спортивный магазин и купить лыжный костюм. Словом, поехала я с Городинским и его разношерстной публикой на Карпаты. Врать не стану, крутые горные спуски не форсировала, больше помогала де-

журным на кухне готовить обед на детдомовскую ораву, но за пируэтками, которые вытворяли на лыжах калупские мальчишки и девчонки следила с замиранием сердца. О господи, да они ведь запросто могут свернуть себе шею! И тогда вы, Александр Яковлевич, пойдете в тюрьму! Однако, директор детского дома моих опасений не разделял, терпеливо учил детей кататься, а при необходимости правильно падать на склоне. В итоге к концу поездки команда «трудновоспитуемых» обрела навыки чуть ли ни профессиональных горнолыжников. Жили мы на Карпатах, само собой разумеется, не в пятизвездочном отеле, а в пустом частном доме. Спали на полу в спальнях мешках и сами топили дровами печку. И вот поскольку у интернатских детей не было своих карманных денег, а им очень хотелось подарить мне на память о поездке какой-нибудь сувенир, мальчишки решили сделать его своими руками. Из дров, предназначенных для печки, отобрали буковую дощечку, красивым шрифтом вырезали на ней слово «Калупе» и, чтобы выглядело как покупное произведение искусства, обожгли эту дощечку на чугунной поверхности плиты. Прошло без малого тридцать лет, а эта дощечка, как видите, стоит в доме на книжной полке на самом видном месте. И никакая хрустальная ваза по ценности с этим подарком не может для меня сравниться. Большая часть из тех ребят, кто тогда с нами ездил на Карпаты, выросли нормальными людьми, судьбы сложились более или менее благополучно. А вот один мальчик погиб в Афганистане. Городинский воспитывал своих мальчишек патриотами, и этот мальчик, когда его призвали в армию, сам попросился в Афганистан «выполнять интернациональный долг». В Латвию он вернулся в цинковом гробу, и хоронил его родной детский дом.

Знаете, когда я писала статью «Репортаж из страны детства», мне и в голову не могло прийти, что отныне жанр прозы в моем творчестве навсегда отойдет на второй план, что о детских домах и других социальных и политических проблемах страны я буду писать на протяжении многих последующих лет. Но так уж получилось, что после «Репортажа» надо было рассказать читателям о том, как в Калупе прошла елка, потом о поездке на Карпаты, потом о ситуации в других детских домах республики. И так, через эти публикации, судьба свела меня еще с одним уникальным педагогом — Андрисом Гринбергом. Он рабо-

тал учителем рисования во вспомогательной школе, то есть с умственно отсталыми детьми. Это тоже была закрытая тема в советской журналистике. Ну, не было, не могло быть в Советском Союзе детей с задержкой умственного развития и, уж тем более, с тяжелой психической инвалидностью! Однако, такие школы существовали по всей стране (как, впрочем, и тогда, и сейчас они существуют во всем мире), и Андрис Гринберг в буквальном смысле слова ввел меня в зону Сталкера по одноименному фильму Андрея Тарковского.

Дело в том, что та вспомогательная школа, где работал этот педагог, находилась в Мазирбе. Это место в советское время считалось закрытой пограничной зоной, попасть туда можно было только по специальным пропускам, так что жившие в школе-интернате дети, направленные в Мазирбе медкомиссиями из разных регионов Латвии, на время учебы — от каникул до каникул — были от внешнего мира как бы изолированы. Они жили в своей зоне, там их никто не дразнил, они чувствовали себя довольно комфортно, потому что все были с одинаковой жизненной перспективой — не то что высшее образование, но и водительские права из-за медицинского диагноза для них навсегда оставались запретным плодом. А вот когда они попадали домой, в свой двор, здоровые ровесники их дразнили: «Эй ты, дурак из школы дураков!». И они знали, что они не такие как все, и каждый свой диагноз старался скрыть, но так или иначе в обществе здоровых детей им подчас бывало неуютно. Учитель рисования Андрис Гринберг учил своих воспитанников не просто рисовать, он учил их выживать в этом в мире с тем диагнозом, которым, к сожалению, очень часто их награждали родители-алкоголики. Хотя никто из нас не застрахован от того, что и у совершенно здоровых родителей тоже может родиться больной ребенок. Кстати, и у Гринберга учились дети очень известных в обществе интеллигентных людей.

Так вот этот учитель рисования учил своих *гадких утят* выживать. Он учил их прощать, принимать общество таким, какое оно есть и понимать, что рядом со злом в мире всегда сосуществует добро — надо только уметь его разглядеть. Как это все происходило?

Расскажу только о том этапе, на котором Гринберг подключил к своей работе меня как писателя.

Повторяю, знакомство состоялось в связи с моими статьями о детских домах. Разыскав меня через редакцию, Гринберг предложил мне стать соучастницей весьма необычного, своего рода даже мистического действия. Он рассказал, что у них в Мазирбе возле школы растет старый яблоневый сад. Так вот он предложит детям, которые чувствуют себя изгоями в обществе здоровых сверстников, дружить... с деревом. То есть каждый ученик Гринберга, который сугубо добровольно захочет принять участие в акции, выйдет в школьный сад и выберет себе конкретную яблоню-друга. Своей яблоне надо будет придумать имя. За ней надо будет ухаживать — окапывать, выпиливать старые ветки, летом белить ствол, зимой укутывать его еловыми ветками от зайцев... Еще яблоню надо будет рисовать. Рисовать мы будем в саду на рассвете, чтобы сказать своему дереву «доброе утро» и на закате, чтобы пожелать ему спокойной ночи. Будем рисовать весной, когда яблоня цветет, летом, когда ей жарко, осенью, когда дерево-друг будет дарить нам свои плоды, зимой, когда яблоне в саду холодно и одиноко. Но самое главное — яблоне, как самому близкому другу, можно будет писать письма, и она обязательно ответит!

Итак, в мои обязанности в этой акции входило писать ответы от имени яблони на каждое письмо, которое воспитанники Гринберга доверительно напишут своему дереву. Они вышли во двор, каждый выбрал свое дерево и придумал ему имя. Таких слов нет ни в русском, ни в латышском языке (школа латышская), имена как переводные картинки проявились откуда-то из подсознания этих необычных детей — Ахолса, Дитраг, Камсидрис, Кента, Рипипа... Каждый ученик нарисовал цветными мелками первый портрет своего друга-дерева. Потом учитель привел их в класс, опустил на окна затемняющие шторы и на каждой парте зажег по свече. Учеников рассадил по одному, чтобы не возникло соблазна списать, и написал на доске мой рижский адрес, пояснив, что к словам «Марина Костенецкая» на конверте следует приписать имя конкретной яблони.

И вот музыка звучит, свеча горит, и ученик пишет письмо яблоне. Учитель говорит: «Не бойтесь, если звонок прозвенит, не бойтесь, пишите, сколько хотите. Не бойтесь, что там будут грамматические ошибки — отметки ставить никто не будет. Вы пишите своему другу,

вы можете на конверте даже не подписываться, имя автора никто, кроме яблони, не узнает. Я читать ничего не буду, вы сами пошлете». И условились что тот, кто первым кончит писать, выходя из класса, тихонько положит конверт на стол учителя, но свою свечку задувать не станет. Эту свечку он поставит на парту тому, кто еще пишет письмо. И Гринберг потом мне рассказывал, что, в конце концов, когда последний ученик остался в классе, его парта выглядела как церковный алтарь — вся освещенная догорающими свечами. То есть каждый, выходя из класса, свет своей души оставлял тому, кто еще говорит с яблоней.

И вот в один прекрасный день в своем почтовом ящике я обнаружила целую пачку писем. Все подписаны детским почерком. Тексты самих писем совершенно потрясающие! Я покажу вам некоторые рисунки этих детей, как они рисовали свою яблоню. Эти рисунки вошли иллюстративным материалом в мою книгу «Не страшно тебе, яблоня, ночью в саду?..», она была издана в 1989 году в издательстве «Лиесма».

Вот видите — это дерево летом, яблоне жарко. А это яблоня на рассвете: с одной стороны светлый квадрат, а с другой темный. Как объяснил ребенок, это означает, что ночь уходит, а день приходит. А это яблоня вечером — видите, какое необычное решение? Ну, а дальше идут рисунки Яблони-Мадонны. Это они рисовали под музыку «Аве Мария». Учитель Андрис Гринберг рассказал им кто такая Мадонна, что это Богородица с Младенцем на руках. И вот что дети в результате выдали. У одного Яблоня-Мадонна трепетно склонилась в любви над маленькой Яблонькой, у другого на закругленных ветках синего дерева (потрясающе смелое решение!) тянется к небу хрупкая белая Яблонька-Младенец, у третьего Младенец изображен как бы в чреве, на стволе Матери-Яблони...

Когда они рисовали «утреннюю» яблоню, учитель задолго до подъема приходил в сад, разводил там костер, кипятил чай, а потом шел в интернат будить своих детей. И они рисовали утреннее дерево, грея руки о кружки с чаем. И эта медитация в утреннем саду предшествовала учебному процессу в классе, где они в течение дня потом будут решать задачи, писать диктанты, изучать географическую карту... А вечером, в рамках внеклассной работы, под классическую музыку дети будут писать

свои очередные письма яблоне. Да, эти письма трудно подчас прочесть, все же дает себя знать диагноз — например, несколько слов больной ребенок может написать без пробелов, в одно слово. Но когда ты все же расшифровываешь текст, то понимаешь, что он абсолютно гениален! Ну, вот, например, послушайте, что мне написал мальчик, назвавший свою яблоню Кентой. «Добрый вечер, Кента! Я подружился с тобой потому, что никто другой с тобой не дружил. Тебе не больно, когда воры ломают твои ветки? Хочешь, я научу тебя драться? Тогда ты сможешь всем давать сдачи. И вот что я тебе еще скажу: когда ты дерешься, никогда не бей лежащего».

Потом от Гринберга я узнала, что этот мальчик самый слабый в школе, его все кому не лень бьют, а он не умеет дать сдачи. И именно такой *гадкий утенок* предлагал своей яблоне научить ее защищаться от обидчиков и одновременно просил никогда не бить лежащего! А в другом письме я прочла: «Ты так одинока, что ловишь ветками птиц, когда они пролетают над садом». Строчка, достойная любого великого поэта! Да, я благодарна этим умственно отсталым детям за Школу Любви. Звучит, может быть, слишком напыщенно, но, тем не менее, это действительно так. Это самые святые письма в моем писательском архиве.

А хранится в этом архиве более трех тысяч писем не только из Латвии, но и со всех концов Советского Союза. Само собой разумеется, что на каждое детское письмо из Мазирбе я от имени яблони отвечала. Но моя роль в этом творческом процессе была вторична — партию первой скрипки, безусловно, играл уникальный педагог, учитель рисования Андрис Гринберг.

Вот еще некоторые моменты из его педагогического творчества. Гринберг дает детям тему для сочинения-сказки «Черт» (то бишь, воплощение зла) и просит написать, где черт живет, какое злое дело в жизни автора он сотворил, и как черта за это наказали. И вот что мы с Гринбергом в результате узнаем:

«Жил-был черт, которого звали Непоседа. Черт жил в моем ухе. В один прекрасный день черт сделал свое нехорошее дело — он задавил машиной мою пастушью собаку по имени Динго, которая пасла коров. За это черта наказали, его сделали человеком».

«Жил-был черт, которого звали Черное Ухо. Он жил в электрических проводах. Однажды черт украл мою куртку (вместе с большими мальчиками), я очень плакал. Потом эта куртка нашлась. За это черта наказали. Его сфотографировали и поместили в газету, чтобы все видели».

«Черт жил на берегу реки в пещере. Он гнал самогон, сидел на крышке бидона, и когда крышка выстреливала, черт летел в небо. Однажды черт убил мою кошку об яблоню. Она была хорошая кошка, она хорошо ловила мышей. Мне было очень жаль ее, я сильно плакал и похоронил ее возле своих друзей: собаки, петуха, утки, гуся. Черта за злое дело наказали — его навсегда послали жить в Ригу».

Это пишет маленький изгой из зоны Сталкера. Он боится оказаться в большом городе — это по жизни наказание. И быть человеком наказание. И увидеть свой портрет в газете очень страшно...

А в другой раз учитель просит своих подопечных написать письмо-молитву: если бы на свете был Бог, то чего бы ты у него попросил? И опять ответы нас потрясают:

Я прошу, чтобы моя мама была здоровой и умной.

Я прошу, чтобы я навсегда осталась маленькой.

Я прошу, чтобы дураки были умными.

Я прошу, чтобы меня отвезли в дальние страны, туда, где никого нет.

Я прошу, чтобы у меня было доброе сердце.

Я прошу, чтобы дома не было скандалов.

Я прошу, чтобы не было вспомогательных школ.

Я прошу, чтобы надо мной не смеялись.

Я прошу, чтобы меня отвезли на звезду.

Ну, а один мальчик написал: «Я прошу, чтобы у Брициса были очки». И только после этой просьбы педагоги в интернате поняли, что у Брициса проблемы со зрением, что надо бы в школу пригласить глазного врача! Пригласили, проверили всех учеников и многим выписали (соответственно и приобрели) очки. Но узнали-то взрослые о проблеме Брициса только потому, что *гадкий утенок* просил у Бога не мотоцикл или супермодные кроссовки для себя, а очки для своего соседа по парте.

Достоевский говорил, что страдание очищает душу человека. А то, как страдание порождает в детской душе сострадание, мне наглядно демонстрировал своими уроками учитель рисования Андрис Гринберг. Встреча с такими педагогами как Александр Городинский и Андрис Гринберг — щедрый подарок судьбы. И в этом весь мой ответ вам на вопрос о том, как я стала писать о детях и что для меня, как писателя, значит встреча с Настоящим Педагогом.